

18+

ВИТАЛИЙ КОВРИГИН

КРИТИЧЕСКИЙ ПОРОГ

ИСТОРИИ С РЕАНИМАЦИИ

Виталий Ковригин
Критический порог.
Истории с реанимации

<https://litres.ru/73872603>

ISBN 9785006983373

Аннотация

Три истории. Три судьбы. Три пути к последней черте. Реанимация — место, где жизнь и смерть разделяет тонкая грань. Здесь нет случайных людей. Сюда попадают те, кто должен вспомнить всё. Или расплатиться за всё.

Содержание

История 1	5
Глава 1. Пост №3	5
Глава 2. Въезд	14
Глава 3. Ирина	24
Глава 4. Кровь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Критический порог Истории с реанимации

Виталий Ковригин

© Виталий Ковригин, 2026

ISBN 978-5-0069-8337-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРИТИЧЕСКИЙ ПОРОГ

История 1

Глава 1. Пост №3

Он стоял на крыльце больницы и курил...

Ночь была сырая, апрельская. Свет от фонаря падал на мокрый асфальт, разбивал лужи на сотни мелких осколков. Где-то за корпусами выла сигнализация — то ли машина, то ли склад. Обычное дело. В больнице всегда кто-то орет, кто-то плачет, кто-то пытается пролезть без маски. Работа у него — смотреть.

Олег Викторович Протопопов затаился, выпустил густой дым в сырое небо. Ему было пятьдесят три, но выглядел он на все шестьдесят. Грузный, с тяжелыми плечами, с лицом, которое в молодости били так часто, что оно навсегда застыло в выражении спокойной угрозы. Шрам над левой бровью — память о 1994-м, вещевой рынок, в Самаре биты. Пальцы на правой руке сломаны и срослись криво — 1996-й, должник, который решил, что может не платить. Не мог.

Он до сих пор держался прямо. Привычка. В свои годы многие уже согнулись, а он нет. Только дышал тяжело. Последние пару месяцев особенно.

— Олег Викторович, иди в тепло, — сказал из дверного проема молодой охранник Коля. Ему было двадцать пять, он

пытался казаться старше, но Протопопов видел насквозь — пацан. Не нюхавший пороха. — Ну чего вы там стоите,?

— Отдыхай, — ответил Протопопов, не оборачиваясь. — Я на посту.

Коля хмыкнул и ушел внутрь, где было светло, пахло хлоркой и лекарством, как это обычно бывает в больнице.

Протопопов докурил, затушил о край бетонной урны. Боль в груди, которая тянула последние дни, сегодня стала другой. Не тянула — давила и жгла. Как будто кто-то положил на грудь кирпич и наступил сверху. Он подумал: «Надо бы провериться в выходной у врача». Тут же одернул себя: какой врач, на выходные у меня другие планы.

Он сделал шаг к двери — и мир качнулся.

Сначала просто потемнело в глазах. Он подумал: «давление». Остановился, оперся о косяк. Потом левая рука онемела. Совсем. Как будто отрезали. В челюсть отдавала импульсивная боль...

— Вот сука, — выдохнул он.

В следующую секунду боль ударила. Не так, как он читал в книжках — не отдала в лопатку, не прострелила. Она просто сжала его целиком. Как кулак. Грудь, горло, челюсть. Он не мог вдохнуть. Попытался — и вместо воздуха из горла вырвался хрип.

Он упал на колени. Сначала на одно, потом на оба. Колени встретили мокрый асфальт, но он уже не чувствовал холода. Только боль. Белую, горячую как уголь в груди, беско-

нечную.

«Сердце», — успел подумать он. — «Мне конец».

Он упал набок. Левым плечом в лужу. Лицо в воду. Он видел свои пальцы, окурки возле урны и смятую пачку сигарет. Слышал, как где-то далеко открылась дверь, как заорал Коля.

— Олег Викторович! Олег Викторович, твою мать! Сюда! Сюда, скорее! Врача!

Протопопов хотел сказать: «Не ори, пацан». Не смог. Язык не слушался. Он лежал в луже, смотрел на свои пальцы и думал о том, что сейчас выйдет, наверное, жалко. Охранник Протопопов, которого в 90-х боялись полгорода, лежит лицом в грязи, как бездомный пьяница.

Из больницы выбежали. Много ног. Санитары, врач из приемного покоя — молодой, в синей форме. Кто-то перевернул его на спину. Свет фонаря ударил в глаза.

— Подозрение на инфаркт, — сказал врач. — Сердце. Кардиограмма, носилки сюда! Быстро!

— Он наш, он охрана, — сказал кто-то.

Его потащили. Каталка ударилась о косяк, он дернулся, но боли не почувствовал. Только потолок. Серый, с трещинами, с лампой дневного света, которая мигала ровно в такт его сердцу. Он знал этот коридор. Он здесь работал два года. Каждую ночь проходил его туда-обратно. Сейчас его везли по нему, и он смотрел на знакомые стены снизу вверх.

«Ирония, — подумал он. — Я тут сторожем. А теперь сам

приехал».

Он попытался усмехнуться, но вместо усмешки изо рта вытекла слюна.

— Держитесь, — сказал врач. Молодой. Лет двадцати восьми. Глаза испуганные. — Держитесь, мужчина.

Двери реанимации открылись с шипением. Его вкатили в свет. Яркий, белый, стерильный. В нос ударил запах, который он знал так же хорошо, как коридоры — хлорка, лекарства, железо. Он думал, что привык к этому запаху. Оказалось — нет. Когда ты лежишь на каталке, он пахнет по-другому. Пациентом. Жертвой.

— Раздевайте! — сказала старшая медсестра, тетя Галя, которую он знал два года. Он приносил ей чай, когда она дежурила ночами. Сейчас она смотрела на него как на кусок мяса.

Его разрезали. Форменную рубашку, тот самый китель охранника с нашивкой «Медицинская охрана», располосовали ножницами от ворота до пояса. Пуговицы разлетелись по полу.

— Делаем тромболизис. Быстро.

Его кололи, втыкали, приклеивали датчики. Он чувствовал это краем сознания. Как сквозь вату. Руки не слушались, ноги не слушались. Только голова. Она была тяжелая, как чугунная болванка, и кружилась, в груди болело.

— Олег Викторович! — тетя Галя наклонилась над ним.

— Вы меня слышите?

Он моргнул. Один раз. Значит, слышу.

— Сейчас мы вас, миленький, сейчас. Только не отключайтесь.

Он хотел сказать: «Я никуда не денусь». Но вместо этого закрыл глаза.

В коридоре было темно. Длинный коридор, как в их больнице, но не такой. Старый. Стены выкрашены зеленой краской, которая местами облупилась. Лампы под потолком горят через одну. В конце — дверь. Железная, как в море.

Он стоял в начале коридора. Босиком. В больничных штанах, которые ему надели, и без рубашки. Холодно. Но он не чувствовал холода. Он чувствовал, что он здесь уже был. Не в этой больнице — в этом месте. Коридор между.

«Сон», — подумал он. — «Спишь ты, Олег. Очнись».

Но он не очнулся. Ноги сами понесли его вперед. Он шел медленно, тяжело, как по воде. Пол был кафельный, белый, с черными трещинами.

Он дошел до двери. Она была не заперта. Он толкнул ее — и она открылась с тоскливым скрипом, от которого заныли зубы.

За дверью была комната. Маленькая. Стол, стул, лампа на столе. И человек. Мужчина. Сидел на стуле, спиной к нему. В кожаном пальто. Старом, потертом, в каких в 90-х ходили все, у кого были деньги.

Человек обернулся.

Протопопов узнал его. Сразу. Хотя не видел двадцать пять лет.

— Здорово, Прот, — сказал человек. Улыбнулся. Зубы белые, но один — передний — был золотой. Коронка. Та самая, которую поставили после того, как выбили в разборке.

— Дуля, — выдохнул Протопопов.

Рот пересох. Сердце — там, в реанимации — дало сбой. Он почувствовал это даже здесь. Дернулось и замерло на секунду.

— Ты же умер, — сказал Протопопов.

Дуля — Куликов Андрей Сергеевич, его бригадир в 1994-м, человек, который учил его работать — кивнул.

— Умер, — сказал он просто. — А ты, смотрю, почти.

Он встал со стула. Такой же, как был. Коротко стриженный, жилистый, с цепким взглядом охотника. Только кожаного пальто раньше не носил. В нем он был в последний раз.

— Ты чего пришел? — спросил Протопопов.

Дуля посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся той самой улыбкой, от которой в 90-х у коммерсантов подкашивались ноги.

— Проведать. Ты же мой был. Самый лучший пацан. — Он помолчал. — Я не один.

Протопопов обернулся. В дверях, в коридоре, стояли еще двое. Он узнал их не сразу. Слишком много времени прошло. Но когда узнал — внутри все оборвалось.

Савва. Тот, который сгорел в машине в 2000-м. И Гвоздь. Которого замочили в 1998-м на разборке у гостиницы. Они стояли молча. Смотрели.

— Зачем? — спросил Протопопов. Голос сел. — Зачем вы здесь пацаны?

Дуля подошел ближе. Совсем близко. Протопопов чувствовал запах — табак, дешевый одеколон «Шипр», который они все покупали в ларьках в 90-х. И еще что-то. Сырость. Земля.

— Ждем, — сказал Дуля. — Там, — он кивнул в сторону коридора, — ты еще не всё вспомнил. А нам надо, чтоб вспомнил.

— Что вспомнил?

Дуля не ответил. Он смотрел на Протопопова, и в глазах у него не было злобы. Только ожидание.

— Ты знаешь, — сказал Дуля тихо. — Ты всегда знал.

— Есть! Давление поднимается!

Голос тети Гали ворвался в сознание, как удар. Протопопов открыл глаза. Свет. Белый, режущий. Датчики на груди. Трубка в носу. Капельница в левой руке.

Он лежал в реанимации. В палате интенсивной терапии. Три койки, но соседние пустые. Монитор пищал ровно, мерно.

Он повернул голову. Угол палаты был пуст. Никого.

«Сон, — подумал он. — Бред. Лекарства».

Он попытался пошевелить правой рукой — не смог. Она была привязана к койке мягкой лентой. Левая тоже. Чтобы не выдернул катетер.

Он лежал и смотрел в потолок. Белый, подшивной, с лампой дневного света. Такая же лампа была в коридоре. В том коридоре.

— Дуля, — прошептал он одними губами. — Сука. Признится же.

Но он знал, что это был не сон. Он помнил запах «Шипра». Он помнил золотой зуб. Он помнил, как Дуля сказал: «Ты еще не всё вспомнил».

«Что я должен вспомнить?» — подумал Протопопов.

И тут же ответ пришел сам. Без слов. Без звука. Просто картинка. Темная комната. Испуганные глаза. Девушка. Белая блузка, которая темнеет на груди.

Он зажмурился.

— Нет, — сказал он вслух. — Нет. Это было не так.

Но голос внутри, тот самый, который не обманешь, сказал: «Так. Именно так».

Монитор заверещал чаще. Сердце забилося быстрее. В палату вбежала медсестра.

— Давление скачет, — сказала она кому-то за спиной. — Готовьте седацию.

Протопопов не слышал ее. Он смотрел в угол палаты. Там, где секунду назад никого не было, теперь стоял Дуля. В ко-

жаном пальто. С золотым зубом.

Он улыбнулся и приложил палец к губам.

— Тсс, — сказал он. — Время есть.

Глава 2. Въезд

Он очнулся от того, что кто-то ткнул его пальцем в грудь.
— Олег Викторович! Олег Викторович, вы меня слышите?

Голос знакомый. Протопопов с трудом разлепил веки. Перед ним стоял Денис Сергеевич, заведующий реанимацией. Молодой еще, лет сорока, но лысеющий, в очках с толстой оправой. Протопопов знал его по работе — Денис Сергеевич иногда курил на крыльце, и они перебрасывались парой фраз. О погоде. О футболе. Ни о чем.

Сейчас заведующий смотрел на него не как на знакомого охранника, а как на сложный случай.

— Слышу, — прохрипел Протопопов. Горло пересохло, язык прилип к небу. — Воды.

— Сейчас вас попят — Денис Сергеевич повернулся к медсестре: — Давление сто на семьдесят, держится. Кардиограмма в норме. Но ферменты высокие. Обширный передний инфаркт, будем наблюдать. Дайте ему попить.

Протопопов слушал краем уха. Он пытался осмыслить, где находится. Палата. Маленькая, на две койки, но соседняя пустая. Стены выкрашены в бледно-голубой — успокаивающий цвет, который в реанимации должен навевать покой. На него он навевал тошноту. Окно зашторено, но сквозь щель пробивается серый утренний свет. Утро. Значит, он проле-

жал ночь.

Он попытался пошевелиться — и понял, что привязан. Руки зафиксированы мягкими лентами к поручням кровати. В левой руке — катетер, тянущийся к капельнице. На груди — датчики, на пальце — зажим пульсоксиметра.

— Это еще зачем? — он дернул правой рукой. Лента держала крепко.

— Чтобы вы себе во сне не навредили, — спокойно ответил Денис Сергеевич. — Сейчас одну руку отвяжем. Лежите.

— Мне домой надо, — сказал Протопопов. Голос прозвучал глухо, но в нем прорезалась привычная командирская нотка. — Когда отпустите?

Денис Сергеевич посмотрел на него поверх очков. Без злобы, но твердо.

— Олег Викторович, сейчас вы не об этом думаете. Вы пациент. Самый тяжелый в отделении. Если будете дергаться — сердце остановится. Я его запущу, но вам же хуже будет. Лежите. Смирно.

Протопопов хотел ответить что-то резкое, но передумал. Во-первых, сил не было. Во-вторых, Денис Сергеевич был прав. Он это чувствовал. Сердце билось неровно, с перебоями, как старый двигатель, который вот-вот заглохнет.

— Дети приехали? — спросил он.

— Жена звонила. Сказала, что будет после обеда. Дочь с ней. Сын из Тольятти выехал.

Протопопов кивнул. Ира придет. Дочка Аня — она в ин-

ституте, на первом курсе. Сын Кирюха из Тольятти — двадцать два года, уже взрослый, но Протопопов до сих пор звал его Кирюхой, от чего сын бесился.

— Курить охота, — сказал он.

— Нельзя.

— Знаю, — Протопопов закрыл глаза.

Денис Сергеевич вышел. Медсестра — молоденькая, с короткой стрижкой — поправила капельницу, проверила датчики и тоже ушла. Протопопов остался один.

В палате было тихо. Монитор пищал ровно — ровно настолько, что этот звук уже стал фоном. Где-то за стеной шуршали шинами каталки, говорили приглушенные голоса. Обычная больничная жизнь. Он знал ее изнутри. Только теперь он был не по ту сторону.

Он лежал и смотрел в потолок. Белый. Подшивной. Обычный потолок.

— Ну и как ты тут оказался? — спросил он сам себя.

Ответа не было. И так всё понятно. Курил много. Давление не лечил. Нервы. Работа — ночные смены, сутки через трое. В пятьдесят три года такие фокусы не прощают.

Он вспомнил, как вчера упал. Как лежал в луже, как его тащили. И как потом... потом был коридор. Зеленые стены. Дуля.

«Бред, — подумал он. — Лекарства. После такого всякое мерещится».

Но он помнил запах. Дешевый одеколон, которым они все

брызгались в 90-х. И золотой зуб. И улыбку.

— Дуля, — прошептал он. — Приснится же...

Он повернул голову к углу палаты. Там стояла тумбочка, на ней — стакан с водой, графин, какая-то папка. И больше ничего.

Пусто.

Он выдохнул. Нервное. С сердцем шутки плохи.

Он закрыл глаза. Подумал об Ире. Как она сейчас? Наверное, плачет. Она всегда плакала, когда что-то случалось. Он вспомнил, как они познакомились. 2003 год. Он тогда уже отошел от дел, пытался легализоваться, открыл маленький магазин стройматериалов. Она пришла покупать краску для стен. Взгляд у нее был испуганный — она только развелась, с двумя пацанами на руках. Он тогда подумал: «Эта не сломается». Не сломалась. Вытянула его из пьянки, из депрессии, когда бизнес рухнул. Устроилась медрегистратором в эту же больницу, потом его сюда же пристроила. Охрана. Чистая работа. Честная.

Она не знала. Ничего не знала. О 90-х. О том, что было до нее.

Он никому не рассказывал.

Сознание уплывало. Не резко, а плавно, как будто его уносило течением. Он слышал писк монитора, но звук становился всё тише, всё дальше. Потом он услышал другой звук. Шаги. Мягкие, но тяжелые. Кто-то шел по коридору. Не по

больничному — по бетонному. Цок-цок-цок.

Он открыл глаза.

Палата изменилась. Стены стали серыми, бетонными. Окна исчезли. Вместо лампы дневного света — голая лампочка под потолком на скрученном проводе. Она раскачивалась, и тени ходили по стенам.

Он лежал на той же койке, но койка стояла посреди пустого гаража. Или подвала. Бетонный пол, бетонные стены, железная дверь.

Он попытался встать — не смог. Тело не слушалось.

Дверь открылась.

Вошел Дуля. Все в том же кожаном пальто. За ним — двое. Савва и Гвоздь. Они остановились у порога. Молчат.

Дуля подошел к койке. Сел на край. Койка прогнулась под его весом.

— Ну что, Прот, — сказал он. — Как себя чувствуешь?

— Это сон, — сказал Протопопов. — Я знаю. Это сон.

— А ты проверь, — Дуля улыбнулся. — Ущипни себя.

Протопопов дернул рукой — руки были свободны. Он ущипнул себя за предплечье. Больно. Очень больно.

— Это не сон, — сказал Дуля спокойно. — Это другое. Ты между.

— Между чем?

— Между жизнью и смертью. Там, — Дуля махнул рукой куда-то вверх, — твое сердце колотят, как старый «Москвич». А здесь — ты. Настоящий.

Протопопов смотрел на него. Дуля выглядел точно так же, как в последний раз, когда они виделись. 1997 год. Бар. Стрелка. Дуля тогда сказал: «Я иду разбираться. Если не вернусь — ты за старшего». Не вернулся. Расстреляли из машины.

— Ты чего пришел? — спросил Протопопов. Голос не дрожал. Он научился не показывать страх еще в 90-х.

— Я ж говорил. Проведать. — Дуля достал из кармана пачку сигарет. «Мальборо». Красная пачка. Те самые. Он протянул Протопопову: — Будешь?

— Сердце.

— А здесь нет сердца. Здесь ты. Бери.

Протопопов взял сигарету. Дуля щелкнул зажигалкой — старой, металлической, «Zippo». Он помнил эту зажигалку. Дуля никогда с ней не расставался.

Они закурили. Табачный дым наполнил бетонную клетку. Протопопов затянулся и почувствовал, как легкие наполняются горечью. Знакомой. Давно забытой.

— Помнишь 95-й? — спросил Дуля, не глядя на него.

Протопопов замер.

— Какой 95-й?

— Ты знаешь какой. — Дуля выпустил дым в потолок. — Коммерсанта того. Помнишь?

— Не было ничего, — сказал Протопопов слишком быстро.

— А вот Савва говорит, что было. — Дуля кивнул на

дверь, где стояли двое. — Он там был.

Савва — низкий, коренастый, с лицом, которое помнило огонь — кивнул. Молча.

— Ничего не было, — повторил Протопопов. Сигарета дрожала в пальцах.

— Хорошо, — Дуля встал. — Не было. Мы подождем. — Он потушил сигарету об бетонный пол. — У нас времени много. А у тебя — не очень.

Он пошел к двери. Савва и Гвоздь посторонились, пропуская его.

— Дуля! — окликнул Протопопов.

Тот остановился. Обернулся.

— Зачем вы пришли? На самом деле.

Дуля посмотрел на него. Долго. И сказал тихо:

— Там, на той стороне, никто не проходит один. Мы всегда встречаем своих. Ты знаешь. — Он помолчал. — И еще. Она тоже придет. Рано или поздно. Она ждет.

— Кто?

Дуля не ответил. Он вышел, и дверь за ним закрылась с глухим металлическим лязгом.

Савва и Гвоздь остались. Стояли у двери, смотрели. Не двигались.

— Что вы на меня смотрите? — крикнул Протопопов. — Чего вам надо?

Они молчали.

Савва открыл рот. Протопопов ждал, что он скажет. Но

вместо голоса изо рта Саввы повалил дым. Черный, густой. Как из горящего автомобиля.

— Убирайтесь! — заорал Протопопов.

Он проснулся с криком.

Палата. Голубые стены. Монитор. Запах хлорки.

— Олег Викторович! Олег Викторович, тихо-тихо!

Медсестра — та самая, молодая, с короткой стрижкой — держала его за плечо.

— Вам приснилось? — спросила она.

Протопопов тяжело дышал. Сердце колотилось где-то в горле. Подушка — больничная, казенная — промокла насквозь.

— Приснилось, — выдохнул он.

— Хотите, я вам успокоительное поставлю?

— Не надо. — Он закрыл глаза. — Воды дай.

Медсестра протянула стакан с трубочкой. Протопопов сделал глоток. Вода была теплая, с привкусом пластика. Но горло перестало саднить.

— Вы кричали, — сказала медсестра. — Кого-то звали. Дулю? Это кто?

Протопопов посмотрел на нее. Девчонка. Лет двадцать пять. Ничего не знает. И не должна знать.

— Друг старый, — сказал он. — Умер давно.

Медсестра кивнула, но в глазах мелькнуло что-то — то ли испуг, то ли жалость.

— Вам надо отдыхать, — сказала она. — Правда. Врач сказал, что сегодня вас будут вводить в медикаментозный сон. Чтобы сердце разгрузить.

— В кому, что ли? — спросил Протопопов.

— Ну да. Искусственную. Это не страшно. Просто поспите.

Протопопов кивнул. Посмотрел на угол палаты. Пусто.

— Посплю, — сказал он. — Ладно.

Медсестра вышла. Он остался один.

Он смотрел в потолок и думал. Дуля. Савва. Гвоздь. Они ждут. Она тоже придет. Она.

Он вспомнил. Не всё. Но достаточно. 1995 год. Коммерсант. Долг. Они приехали к нему домой. Там была девушка. Молодая. Он выстрелил.

«Нечаянно, — сказал он себе. — Нечаянно вышло».

Голос внутри усмехнулся.

«Да ты ж и сам не веришь».

Он закрыл глаза. В углу палаты, за тумбочкой, кто-то стоял. Он не видел, но чувствовал.

Он не стал открывать глаза.

— Подождите, — сказал он тихо. — Я всё вспомню. Я всё помню.

В углу было тихо. Но кто-то там был. Он знал.

Отлично. Погнали третью главу. Здесь впускаем жену — простую, уставшую женщину, которая ничего не знает о про-

шлой жизни мужа. И даем первую развернутую сцену из 90-х — как начиналась эта дорога.

Глава 3. Ирина

Она пришла после обеда.

Протопопов слышал её шаги еще в коридоре. Не спутал бы ни с чьими. Ирина ходила тяжело, с пятки на носок, чуть шаркая за двадцать лет привык. Она не худела, не красилась, не носила каблуки. Простая баба. Таких в 90-х называли «надежными».

Дверь открылась, и она вошла. В пальто, которое помнило еще 2015-й, с пакетом в одной руке и телефоном в другой. Увидела его — и остановилась.

— Олежка, — сказала тихо.

Он не любил, когда она называла его «Олежка». Слишком нежно. Слишком по-домашнему. Но сейчас промолчал.

— Иди сюда, — сказал он. Голос сел, прозвучал хрипло.

Она подошла. Села на стул, который медсестра поставила у кровати. Положила пакет на пол. Взяла его за руку — ту, без капельницы. Пальцы у неё были теплые, шершавые, с натруженными суставами.

— Напугал ты нас, — сказала она. — Коля позвонил, сказал, что ты на крыльце упал. Я думала, сердце остановилось У тебя.

— Не остановилось, — усмехнулся Протопопов. — Видишь, живой.

— Живой, — повторила она. И заплакала. Тихо, без звука.

Протекли две слезы по щекам, и она их быстро смахнула, как будто стыдилась.

— Хватит, — сказал он. — Я не помер. Чего раньше времени суету наводишь?

— Аня приедет сейчас. Кирилл из Тольятти выехал, через час будет. Всю ночь переживал он за тебя.

— Зря. Не надо было.

— Как это не надо? — Ирина подняла на него глаза. Красные, опухшие. — Ты отец. Они волнуются.

Протопопов хотел сказать что-то резкое — привычка. Но осекся. Она права. Конечно, права.

— Ладно, — сказал он. — Пусть приезжают.

Ирина достала пакет. Внутри была банка с бульоном, завернутая в полотенце, и несколько яблок.

— Вам тут дают? — спросила она.

— Дают. Но я не ем.

— А зря. Силы нужны.

— Какие силы? — Протопопов посмотрел на монитор, который пищал ровно. — Лежу, как бревно. Какие силы?

Ирина помолчала. Потом спросила:

— Врач сказал, операция нужна. Шунтирование или стентирование. Согласие надо подписать на коронаграфию, и там решат что дальше делать.

— Подпишешь.

— Я? — Она удивилась. — Ты сам.

— Я сейчас не могу. Руки не те. А ты — жена. Подпи-

шесть.

Ирина кивнула. Посмотрела на него долгим взглядом, от которого ему захотелось отвернуться. Но он не отвернулся. Научился. Взгляд выдерживать.

— Ты боишься? — спросила она.

— Чего?

— Умереть.

Протопопов усмехнулся. Сухо, без смеха.

— Я в 90-х столько раз умирал, что теперь не страшно.

Ирина нахмурилась. Она не любила, когда он вспоминал 90-е. Не потому что знала — потому что не знала. Он никогда не рассказывал. Только обрывки. «Было время». «Работали». «Друзья были». Она не переспрашивала. Может, боялась услышать. Может, просто доверяла.

— Дети приедут, не надо при них, — сказала она тихо. — Не надо ничего вспоминать. Они не знают.

— Я и не собираюсь, — ответил он.

Повисла пауза. Монитор пищал. Где-то за стеной закричал пациент — бредовым, нечеловеческим голосом. Ирина вздрогнула.

— Нормально, — сказал Протопопов. — Это у соседа. Психоз, у него рак горла он не хочет жить и постоянно выдергивает трубки.

— Тяжелое у вас отделение.

— Реанимация. Другого не бывает.

Она еще посидела. Поддержала его за руку. Сказала, что

приедет завтра с утра.

— Передай дочери, — сказал Протопопов, — пусть не рыдает при мне. Я этого не люблю.

— Не будет.

Она встала, поцеловала его в лоб. Губы сухие, теплые. И вышла.

Протопопов смотрел на дверь, которая закрылась за ней. Подумал: «Двадцать лет вместе. И ни разу не спросила. Ни разу». Он не знал, хорошо это или плохо.

Он закрыл глаза.

Они ввели его в кому под вечер.

Протопопов слышал, как медсестра говорит врачу: «Давление стабильное, можно начинать». Потом кто-то поставил укол в капельницу. Он почувствовал холод, бегущий по вене, потом тепло, потом — ничего.

Погружение было мягким. Не как в прошлый раз, когда он падал в черную воду. Сейчас он просто поплыл. Вниз, но не страшно. Как в детстве — нырнул с вышки на речке, и вода приняла.

Он открыл глаза.

Он стоял посреди улицы. Старой, знакомой. 1990-й год. Самара, район металлургов. Он узнал этот двор. Пятиэтажки хрущевские, облезлые, с козырьками из шифера. Гаражи-ракушки вдоль забора. Пахло бензином, кошками и жареными

семечками.

На нем была кожаная куртка. Дешевая, китайская, но для того времени — крутая. Джинсы «Монтана», подделка. Кроссовки «Адидас» с тремя полосками — тоже подделка. Ему двадцать лет. Он тощий, злой, с прыщавым лицом и горящими глазами.

— Прот, ты ворон считаешь? — окликнули его сзади.

Он обернулся. У гаража стояли трое. Дуля — но молодой, без седины, в такой же кожаной куртке, с золотой цепью на шее. Савва — бритый, с бычьей шеей, в спортивном костюме. И Гвоздь — маленький, юркий, с бегающими глазами.

Дуля улыбался. Золотой зуб еще не вставил — тогда еще целы были свои. Но взгляд уже тот. Хищный.

— Идем реще, — сказал Дуля. — Дело есть.

Они пошли. Мимо гаражей, мимо детской площадки, где мамы с колясками шарахались в стороны. Протопопов — тогда еще просто Олег, без клички — шел чуть сзади. Он был в этой компании младшим. шустроилой. Но он знал: это временно.

Они зашли в подъезд. Темный, вонючий, с разбитыми почтовыми ящиками. Поднялись на третий этаж. Дуля постучал в дверь — три коротких, два длинных.

— Кто? — спросили из-за двери.

— Свои. Открывай.

Дверь открыл мужик лет сорока, в трениках и майке-алкоголичке. Он был пьян, но не сильно. Увидел Дулю — по-

бледнел.

— Андрей Сергеич, я сегодня, я всё принес, вы не думайте...

— Закройся, — сказал Дуля, проходя внутрь.

Квартира была маленькая, заваленная тряпьем. На кухне пили чай две женщины — одна старая, другая молодая. Молодая подняла глаза, и Протопопов запомнил их на всю жизнь. Карие. Испуганные.

— Вы чего? — сказал мужик. — Женщины же тут. Дети.

— А ты должен был вчера, — спокойно сказал Дуля. — Я сказал — вчера. Ты сказал — да. Где деньги?

— Завтра. Я завтра точно. У меня клиент подвел, но завтра...

Дуля посмотрел на Протопопова. Тот стоял у двери и не знал, что делать. Первое серьезное дело. Первое поручение.

— Олег, — сказал Дуля. — Покажи ему, что будет, если он нас подведет.

Протопопов сделал шаг вперед. В руке у него был обрезок трубы — короткий, тяжелый. Он не помнил, откуда он взялся. Может, Дуля дал, может, сам подобрал.

Мужик смотрел на него. В глазах — страх.

Протопопов ударил. Не в голову — в плечо. Хрустнуло. Мужик заорал, упал на пол. Женщины закричали. Старая закрыла лицо руками. Молодая — та, с карими глазами — смотрела на него. Не на мужика. На него.

— Хватит, — сказал Дуля. — Завтра чтобы деньги были.

Или приедем еще раз.

Они вышли. На лестнице Дуля похлопал Протопопова по плечу.

— Молодец. Четко ты терпилу приложил.

— Нормально так..., — сказал Олег. Он смотрел на свои пальцы. Они не дрожали. Вообще. Ни капли.

— Будешь работать. — Дуля достал сигареты. — Как тебя кличут?

— Олег.

— Олегов много. Будь Протом. Протопопов — значит Прот. Коротко и ясно.

Они спустились во двор. На лавочке сидели пацаны, курили. Увидели Дулю — заулыбались. Уважали. Боялись.

Протопопов — теперь Прот — закурил.

В окне третьего этажа горел свет. Кто-то плакал. Он не обернулся.

Палата. Голубые стены. Монитор.

Протопопов открыл глаза. Сердце билось часто — монитор зашкаливал.

В углу, на тумбочке, сидел Дуля. Живой. Молодой. С золотым зубом и щелкал семечки, то и дело сплевывая на пол шелуху.

— Ну че, теперь вспомнил? — спросил он.

— Вспомнил, — сказал Протопопов. Горло пересохло.

— Это только начало, — сказал Дуля. Он достал сигарету,

но не закурил. Крутил в пальцах. — Ты там не просто плечо сломал. Ты потом много чего сделал.

— Я знаю.

— Она смотрела на тебя. Помнишь?

— Помню.

— Она еще придет.

Дуля встал, подошел к окну. Сквозь щель в шторе пробивался вечерний свет.

— Ты думал, она забыла? — спросил он не оборачиваясь.

— Никто не забывает. Ни живые, ни мертвые.

Он обернулся. Улыбнулся. И исчез.

Протопопов лежал один. Смотрел в потолок. В ушах всё еще звучал крик мужика и женский плач из окна.

— Прот, — прошептал он. — Хорошую кличку ты мне придумал, Дуля.

Он закрыл глаза.

Погнали. Четвертая глава — дети. И первый разговор с сыном, который чувствует фальшь. А потом — новое погружение, где Протопопов увидит того, кого убил лично.

Глава 4. Кровь

Они пришли вместе — Аня и Кирилл. Аня впереди, заплаканная, с дрожащими губами. Кирилл за ней — высокий, под два метра, с отцовскими плечами и материнскими глазами. В руках у него был пакет с фруктами и бутылка минералки.

— Папа, — Аня подбежала к кровати, схватила его за руку. — Папочка, ты как?

— Живой, — сказал Протопопов. — Не верещи.

Он сказал это мягче, чем обычно. Аня всегда была его слабостью. Родилась в 2001-м, когда он уже пытался слезть с иглы прошлого. Он помнил, как впервые взял её на руки — крошечную, теплую, с кулачками, сжатыми так, будто она уже готова драться. Он тогда подумал: «Вот за кого я буду рвать». И рвал. Только вот иногда — непонятно кого.

— Мы приехали как узнали, — сказал Кирилл. Поставил пакет на тумбочку. — Мать в истерике была.

— Я видел. — Протопопов посмотрел на сына. Тот избегал его взгляда. Всегда избегал. С детства. — Как в Тольятти?

— Нормально. Работа есть.

Кирилл закончил строительный, работал прорабом на каком-то объекте. Протопопов гордился им, но никогда не говорил. Сын вырос правильным — без тяги к легким деньгам,

без ночных гулянок. Не в отца.

— Садитесь, — сказал Протопопов. — Чего стоите.

Они сели. Аня на стул, который придвинула к самой кровати. Кирилл на подоконник. В палате стало тесно.

— Врач сказал, как состояние более менее стабилизируется, будут делать коронографию, и там решат какая нужна будет операция, — сказал Кирилл. — Шунтирование или стентирование.

— Знаю.

— Ты согласен?

— А у меня выбора нет? — Протопопов усмехнулся. — Либо так, либо в землю.

— Не говори так папочка, — Аня сжала его руку. — Не говори.

Он посмотрел на дочь. Двадцать лет. Красивая, в мать — мягкая, добрая. Учится на психолога. Смешно. Папа бывший бандит, дочь-психолог.

— Как учеба? — спросил он.

— Хорошо. Сессию сдала. — Она всхлипнула. — Пап, мы так испугались...

— Всё, — он перебил. — Не ной. Я здесь. Живой.

Кирилл смотрел в окно. Молчал. Слишком долго. Протопопов знал эту паузу.

— Говори, — сказал он сыну.

Кирилл обернулся. Глаза у него были жесткие.

— Ты куришь, папа. Ты пьешь. Ты не спишь ночами. Тебе

говорили — давление. Тебе пятьдесят три, а ты как пацан — всё бессмертный.

— Кирилл, — Аня дернулась.

— Нет, мать молчит, а я скажу. — Кирилл встал с подоконника. — Ты себя не бережешь. Ты не ходишь к врачам. Ты работаешь как проклятый. Зачем? Кому это надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.